

ФИРИ МАКФОЛЕН

**ПОМНИ
МЕНЯ**

INSPIRIA

Москва
2023

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
М15

Mhairi McFarlane
DONT'T YOU FORGET ABOUT ME

© Mhairi McFarlane 2019
The author asserts the moral right to be acknowledged
as the author of this work

Перевод с английского *Елены Фрадкиной*
Художественное оформление *Екатерины Петровой*

Макфолен, Фири.
М15 Помни меня / Фири Макфолен ; [перевод с англий-
ского Е. Фрадкиной]. — Москва : Эксмо, 2023. — 416 с.

ISBN 978-5-04-154903-9

Джоржину уволили с работы, а придя домой, она застукала своего парня в постели с другой. Не самый удачный день, правда?

Оправившись от такого удара судьбы, Джоржина устраивается на работу в новый паб поблизости. Только есть одна проблема: им управляет парень, в которого она была влюблена много лет назад. А он, ко всему прочему, ее не помнит. Вообще.

Их встреча заставляет Джоржину вспомнить, что же произошло между ними двенадцать лет назад, и задуматься, почему прошлое все еще преследует ее. Возможно, судьба дает ей второй шанс?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Фрадкина Е., перевод на русский
язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-154903-9

*Моей племяннице Сильви,
маленькому супергерою*

Любовь необыкновенная так реальна в темноте.
Подумай о том нежном, что было между нами.

«Simple Minds»¹

---

¹ Строчки из песни музыкальной группы «Simple Minds». (Здесь и далее прим. пер.)

Тогда

Школа Тэптон, Шеффилд, 2005

«Ты меня любила — так какое же ты имела право оставить меня?.. Когда бедствия, унижения и смерть — все, что могут послать Бог или дьявол, — ничто не в силах было разлучить нас, ты сделала это сама по доброй воле. Не я разбил твое сердце — его разбила ты; и, разбив его, разбила и мое»¹.

Мой самый неотесанный одноклассник, Дэвид Марсден, поднял глаза и вытер подбородок о рукав. Он прочел отрывок из готического романа Эмили Бронте с такой же интонацией, как читал бы меню в пиццерии. Если ты тинейджер мужского пола, тон непременно должен быть бесстрастным. Иначе другие тинейджеры мужского пола будут называть тебя слабаком.

Воздух в классе спертый и липкий, как всегда в преддверии летней жары. Уже в середине дня кажется, что одежда на тебе грязная. В нашем приземистом здании шестидесятих окна наполовину открыты. Вентиляция бедняков! Со школьной площадки доносятся веселые крики.

---

¹ Эмили Бронте. «Грозовой перевал». Перевод Н. Вольпин.

— Спасибо, Дэвид, — сказала миссис Пембертон, когда он закрыл свою книжку в мягкой обложке. — Как вы полагаете, что имел в виду Хитклиф в этом отрывке?

— Он хамит, потому что ему ничего не светит, — ответил Ричард Харди, и мы заржали. Но не только потому, что благодаря его высказыванию откладывалась академическая дискуссия. Ведь эту шутку отпустил сам Ричард Харди! Слышалось невнятное бормотание, но никто так и не ответил на заданный вопрос. До выпускных экзаменов оставалось шесть недель, и в общем настрое преобладали радостное волнение от грядущей свободы и паника от ожидавшей расплаты. Персонажи этого романа с их переживаниями начинали действовать нам на нервы. Нам бы их заботы!

— «Так какое же ты имела право оставить меня» — от этого слегка бросает в дрожь, не так ли? — вымолвила я. Судя по всему, никто больше не собирался нарушить затянувшееся молчание. Миссис Пембертон может рассердиться, если будет продолжаться в том же духе, и увеличит домашнее задание. — По-моему, мысль, что Кэти должна была остаться с ним, а иначе *заслуживает* того, чтобы быть несчастной... несколько... бэ...

— Интересно. Так ты считаешь, что Хитклиф не прав, утверждая, что, отказавшись от своих чувств, она погубила жизнь обоих?

— Вообще-то... — я делаю паузу, собираясь с мыслями, — тут дело в том, что ее любовь к Хитклифу — как скалы. Она постоянна, но не доставляет Кэти удовольствия. — Я произношу это скороговоркой из-за неминуемого веселья, которое вызовет слово «удовольствие». — Ведь эта любовь вряд ли принесет много радости? Главное — обязательство Кэти перед ним.

— Может быть, тогда их взаимная любовь не традиционно романтична, а глубока и стихийна?

— Она, конечно, мысленная, — произносит мужской голос. Я бросаю взгляд в ту сторону, и Ричард Харди мне подмигивает. Мой пульс учащается.

У нашей учительницы досадная манера принимать меня всерьез и заставлять по-настоящему думать. Однажды она задержала меня после урока и сказала: «Ты принижаешь свой интеллект, чтобы вырасти в глазах одноклассников. За стенами этой классной комнаты широкий мир, Джорджина Хорспул, и оценки на экзаменах для тебя важнее, чем их смех. Хорошенькие личики тоже стареют, знаешь ли».

Я пришла в ярость — такую ярость вызывают люди, которые абсолютно справедливо обвиняют тебя в чем-то. (Правда, мне было очень приятно услышать слова «хорошенькое личико». Я не считала себя хорошенькой. А состарюсь я еще через сто лет.)

Шепот прошел по классу, и всем явно было наплевать на «Грозовой перевал».

Миссис Пембертон, почувствовав, что внимание класса может отвлечься от Бронте, бросила свою гранату:

— Я решила, что вам нужно поменяться местами. Думаю, что, сидя за одной партой с друзьями, вы вряд ли способны сосредоточиться.

Она начала переходить от парты к парте, пересаживая некоторых, что вызвало ворчание. Я была уверена, что смогу отвертеться.

— Джоанна, можешь остаться на своем месте. А ты, Джорджина, пересядешь вперед.

— Что? Зачем?

Весь первый ряд занимали паиньки. Как это несправедливо!

За парты рассаживались в соответствии с неписаными, но строгими правилами. Зубрилы и чудачки сидели в первом ряду. Середнячки, которые работают ради хороших оценок — как я и Джо, — в среднем ряду. На задних партах располагались крутые: такие как Ричард Харди, Александра Кейстер, Дэниел Хортон и Кейти Рид. Ходили слухи, что Ричард и Александра, типа, встречаются. А вроде бы и нет — потому что крутые.

— Давай же, пересаживайся.

— О, *мисс!*

Я поднялась с тяжелым вздохом и принялась очень медленно складывать в сумку тетради и ручки, чтобы подчеркнуть свое нежелание подчиниться.

— Ну вот. Я уверена, что Лукас будет тебе рад, — сказала миссис Пембертон, указывая на мое новое место. Ни к чему было произносить эту фразу, которая вызвала смешки.

Лукас Маккарти. Неизвестный, который был замкнутым, как все будущие убийцы. Не отверженный, но и не из тех, кого я бы выбрала сама.

Он худой, с острым подбородком, и это придает ему какой-то голодный вид. Лукас ирландец, о чем свидетельствуют черные как смоль волосы и бледная кожа. Некоторые шутники называли его Джерри Адамс¹, но только не в лицо. Потому что его старший брат из тех, с кем шутки плохи.

Лукас с опаской смотрел на меня темными серьезными глазами. Я ощутила его настороженность: унижу ли я его своим презрением при всех? Будет ли это мучительно? Нужно ли держать оборону?

---

¹ Джерри Адамс (род. в 1948 г.) — ирландский политик и государственный деятель.

Заметив его тревожный взгляд, я вдруг увидела себя со стороны. Значит, я похожа на того, кого стоит опасаться.

— Прости, что обстоятельства вынуждают меня навязываться тебе, — сказала я, усаживаясь за парту. И почувствовала, что напряжение чуть уменьшилось. (Мне нравится использовать в речи высокий стиль, но только в ироническом смысле. Иначе подумают, что я выпендриваюсь. Именно так считает миссис Пембертон.)

— Вот вопрос, над которым вы будете работать вместе до конца урока, а в пятницу мы обсудим результаты ваших совместных трудов. «Грозовой перевал» — это книга про любовь? И если так, то про какую именно? Решите сами, кто будет вести записи, — сказала миссис Пембертон.

Мы с Лукасом обменялись неуверенными улыбками.

— Ты мыслитель, так что я лучше буду писцом, — предложил Лукас, небрежным почерком написав тему на листе линованной бумаги формата А4.

— Мыслитель? Спасибо.

Я снова улыбнулась, на этот раз ободряюще. И увидела, что лицо Лукаса просветлело. Я рылась в памяти, пытаясь отыскать какую-нибудь информацию о нем. Он появился у нас только в шестом классе и поэтому был где-то на заднем плане.

Лукас всегда носил темные майки с наполовину выцветшими картинками, брюки, заметно обтрепавшиеся от стирок, и три красные с синим веревочки в качестве браслетов. Помнится, некоторые мальчишки прозвали его за это «цыган». (Но не в лицо, потому что с его старшим

братом шутки плохи.) В школьной комнате отдыха он часто сидел в одиночестве, читая какой-нибудь журнал о музыке, пристроив ногу в ботинке «Доктор Мартинс» на колене.

— Я согласен с тобой насчет Хитклифа. Он скорее оборотень, нежели человек, да? — сказал Лукас.

Я вдруг осознала, что, проведя с Лукасом два года в одном здании, в одной классной комнате, ни разу не обмолвилась с ним словом. Он говорил тихо, и в голосе слышалась ирландская напевность. Мне казалось, что у него должен быть акцент. Раньше я не обращала на Лукаса никакого внимания.

— Да! Он как большая злая собака.

Лукас улыбнулся мне и принялся записывать.

— Вообще-то, меня раздражает, что Кэти должна брать всю вину на себя, — сказала я. — Она принимает неверное решение, а следующим поколениям приходится разгребать все это дерьмо.

— Наверное, если бы она приняла правильное решение, то не было бы сюжета?

Я смеюсь:

— Верно. Тогда было бы просто: «Познакомьтесь с Хитклифами». Погоди-ка, если Хитклиф — фамилия, то как же его зовут?

— Думаю, у него только имя. Как у Морисси¹.

— А может быть, он Хитклиф Хитклиф.

— Неудивительно, что он такой сердитый.

Я снова рассмеялась. Теперь понятно: Лукас молчаливый вовсе не потому, что тупой. Просто он наблюда-

---

¹ Морисси (род. в 1959 г.) — британский рок-музыкант, основатель рок-группы «*The Smiths*».

ет и слушает. Он похож на простую деревянную шка-
тулку: если ее открыть, то внутри обнаружишь сокро-
вища.

— Правда, это не ее решение... — запинаясь, про-
изнес Лукас, все еще зондируя почву между нами. —
Я имею в виду, что виноваты деньги, и классовые разли-
чия, и все такое, а не она. Она считает, что слишком хо-
роша для него — но ведь это Линтоны внушают ей эту
мысль. Все меняется после несчастного случая с собакой.
Может быть, вообще во всем виновата *собака*.

Он грыз шариковую ручку и сдержанно мне улыбал-
ся. Что-то изменилось — нет, изменилось все. Я еще не
знала, что маленькие мгновения могут быть невероятно
большими.

— Да. Значит, эта история о том, как любовь разру-
шает... — мне хотелось произвести впечатление, — не-
благоприятная среда.

— А разве она разрушена? Кэти все еще преследует
Хитклифа в облике призрака годы спустя. Я бы сказал,
что любовь продолжается, изменив форму.

— Но это извращенная, горькая, безнадежная любовь,
полная гнева и чувства вины. Он больше не может дотро-
нуться до нее, — сказала я.

— Да.

— Похоже на моих родителей.

Мои шутки обычно имели успех, но я никогда еще так
не ликовала, когда кто-то заходил от смеха. Помнит-
ся, я заметила, какие белые зубы у Лукаса. Он никогда
не раскрывал рта, так что мне не доводилось их видеть
прежде.

Вот как это началось. Нет, по-настоящему это нача-
лось с четырех слов, спустя три урока.

Они были написаны на линованном листе формата А4, в самом конце совместного эссе о «роли сверхъестественного». Мы передавали блокнот друг другу и писали, стараясь произвести впечатление.

Я на секунду смутилась, увидев эту рискованную фразу, затем теплая волна прихлынула к шее.

Я люблю твой смех. X

Эта неожиданная сноска была написана синей шариковой ручкой. Она была в самом низу, так что я чуть не пропустила ее. Почему он не послал мне эсэмэску? (Мы обменялись номерами телефонов на случай, если возникнут срочные вопросы насчет Эмили Бронте.) Но я знала почему. Слова на бумаге очевидны, а эсэмэску можно отрицать в случае необходимости.

Итак, она была взаимной, эта внезапная одержимость Лукасом Маккарти. Никогда прежде со мной такого не случалось. Тем более с парнем, чья кожа была цвета морской раковины.

Если прежде я вообще не замечала Лукаса, то теперь была постоянно сосредоточена на нем. У меня развилось звериное чутье: я могла в любое время сказать, в каком углу комнаты отдыха находится Лукас, ни разу не взглянув в его сторону.

В конце концов я написала внизу дрожащей рукой:

Я тоже люблю твой. X

В конце следующего урока я придвинула блокнот Лукасу. Мы посмотрели в глаза друг другу, затем с виноватым видом отвели взгляд. Когда блокнот вернулся ко мне, эта страница исчезла.

Раньше я гадала: как узнать, что ты влюбилась? Ведь со мной никогда этого не случилось. А сейчас любовь узнаешь сразу.

Мы находили любые предлоги, чтобы встречаться после уроков. А если была хорошая погода, мы встречались в Ботаническом саду.

Мы ходили на свидания, но на траве были разбросаны учебники в качестве фигового листка. Мне хотелось расцеловать миссис Пембертон.

Сначала мы без умолку говорили, жадно поглощая информацию. Его жизнь в Дублине, наши семьи, планы на будущее, любимая музыка, фильмы, книги. Этот серьезный, немногословный ирландский мальчик с темными волосами был полон сюрпризов. Он ничего не выставлял напоказ — ни превосходное чувство юмора, ни привлекательную внешность (которая бросалась в глаза, стоило ему выпрямиться), ни острый ум. Он был сдержанным. Я же, наоборот, была несдержанной.

Когда я говорила, он впивался в меня глазами. Он был настолько сосредоточен на мне, что я взглянула на себя другими глазами. Значит, я достойна и мне не нужно так стараться.

Когда мы встретились в третий раз, примерно через пять дней, Лукас наклонился и что-то прошептал мне на ухо насчет компании, расположившейся поблизости. Меня начало трясти. Лукас схитрил: не было никакой необходимости наклоняться. Я чувствовала, что между нами что-то происходит.

Осторожно поправив пряди, выбившиеся из моего «конского хвоста», Лукас спросил:

— У тебя настоящие волосы?